

Krzysztof Ozga
Uniwersytet Jagielloński

Методы описания истинности суждения в современном языкознании – критические замечания

Ключевые слова: истинность суждения, логика, модальность, методология современного языкознания

Key words: truth value of propositions, logic, modality, methodology of contemporary linguistics.

Summary

The aim of the article is to analyze the concept of the truth value of propositions from the perspective of the interface between linguistics and logic. The author argues that the logical truth value is implicitly present in all propositions and can be formalized at the linguistic level as the expression: 'I am convinced that it is true that x'. This formula ought not to be confused with natural language utterances; when made explicit, it represents an overcoded linguistic structure. Thus, logical truth value is treated as a neutral constituent of utterances and is contrasted with other types of proposition, isomorphically and non-isomorphically marked on utterances.

Целью настоящей статьи является проанализировать концепт истинности суждения в языкознании в сопоставлении с эго логическим определением. Литература вопроса на тему истинности суждения, особенно в контексте модальности, очень богата¹. При чем граница между алетической модальностью, относящейся к понятию истинности, и эпистемической модальностью, относящейся к понятию знания, довольно нечеткая. Предложения,

¹ Отличный обзор вопроса модальности в лингвистике сделан К. Тутак [Тутак 2003: 51–69].

лишенные метаинформационных показателей, воспринимаются как модально немаркированные, что подвергает сомнению выделение категории алетичности в рамках понятия модальности – такие предложения определяются как не содержащие информации об отношении говорящего к истинности сообщаемого. Этот вопрос связан с проблемами различия между знанием и суждением (см. ниже). В нынешнем подходе суждение, даже если лишено формальных показателей, всегда содержит модальный компонент, так как в каждое высказывание встроена истинностная оценка отношения содержания диктума к описываемому им отрезку внеязыковой действительности [ср. Bojar, Korytkowska 1991: 39, 45–46]. Обычно лингвистические описания модальности сосредотачиваются вокруг истинности в широком смысле, определяющей не исключительно как противопоставление истины и лжи, но обнимающей тоже промежуточные величины. И именно эти величины чаще всего являются предметом интереса языковедов [ср.: Czapiga 2006; Bojar, Korytkowska 1991: 44; Małdźiewa 1991: 79; Grzegorzczkowa 1997: 63–68, Grzegorzczkowa 1988: 87–93; Колшанский 1961: 96]. Итак, в пределах так понимаемой категории модальности помещается не только оппозиция знание – суждение (мнение), но тоже оппозиция знание – возможность [ср.: Małdźiewa: 2003: 15 и след.]. В настоящей статье мы сосредоточимся прежде всего на максимальных величинах, т.е. на биполярной оппозиции.

Наиболее нейтральной точкой отсчета для определения описываемого явления являются словарные дефиниции его составляющих, т.е. *истины* и *суждения*.

В словарях прежде всего приводится философское толкование истины как адекватного отображения в сознании воспринимающего того, что существует объективно. Во втором значении это то же, что правда в первом значении, т.е. то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. И в-третьих – это утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом [Ожегов, Шведова 1998: 255].

В свою очередь *суждение* определяется во-первых как логическая категория, т.е. как форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат). Во вторых – в практике – это просто *мнение* [Ожегов, Шведова 1998: 779].

Уже в этих простых дефинициях выделяются логико-философский и эмпирический аспекты этих понятий. Следовательно результатом их соединения является двоякое понимание истинности суждения. С одной стороны, как логико-философская категория это определение субъекта (высказывание о субъекте или отрезке действительности), а с другой стороны это субъективное мнение воспринимающего о воспринимаемом. Это, конечно, не новая мысль, но стоит ее припомнить, поскольку истинность суждения, определяемая чаще всего в рамках так называемой эпистемической модальности, описывается в языковедческих трудах непоследовательно, поскольку границы между названными способами толкования бывают нечеткими.

Стоит тоже отметить, что про истинность суждения говорится в языкознании прежде всего по отношению к ассерторическим высказываниям, хотя некоторые, напр. Е. Бральчик [Bralczyk 1978: 9], А. Богуславский [1964: 144–151], утверждают, что также интеррогативные и побудительные высказывания измеримы с точки зрения истинности суждения². Тогда используется формула:

(1) *Я знаю, что я хочу, чтобы Х.*

Уже здесь видна основная проблема описания истинности суждения в лингвистике, которая вытекает из неправильного подбора логических формул (они перепутываются с естественными языковыми выражениями; см. ниже).

Каковы показатели истинности суждения? Принимается, что типично эту роль исполняют лексические единицы, напр. модальные слова, типа: *верно, несомненно, кажется*, синтаксические структуры, напр. *я уверен, что; я знаю, что; мне кажется, что*, и морфологические средства: грамматические категории (вид, время, наклонение, и другие)³. Как и лексические единицы так и синтаксические структуры являются коррелятами диктума с пропозициональным аргументом, который определяется с точки зрения истинности описываемого положения вещей [ср.: Панфилов 1977: 37–48; Кривоносов 1979: 17–18; Колшанский 1961: 94].

Четвертым существенным показателем истинности суждения, о котором в семантических трудах лишь упоминается [см. напр. Виноградов 1975: 59], является интонация, т.е. фонологический суперсегментный компонент, наложенный на высказывание. Воспользуемся еврейским юмором, чтобы показать существенность этого явления:

Нуссбаум подал на Розенфельда в раввинский суд за то, что он назвал его подлецом, обманщиком и вором. Суд вынес приговор, согласно которому Розенфельд должен попросить у Нуссбаума прощения тем образом, что он в присутствии всего собрания громко и выразительно скажет следующие слова:

«Нуссбаум никакой подлец. Нуссбаум никакой обманщик. Нуссбаум никакой вор.»

Вот на собрании Розенфельд встает и громко говорит:

– «Нуссбаум никакой подлец? Нуссбаум никакой обманщик? Нуссбаум никакой вор?»

– «Перестань!» – закричал Нуссбаум – «какая же это интонация?»

– «Ваша честь» – говорит Розенфельд – «мы договаривались на слова или на мелодию?»

² Существенным является разграничение между фактивными и гипотетическими высказываниями; гипотетические, конечно, не подвергаются измерению в категориях истинности суждения [Bralczyk 1978: 25–26].

³ Арутюнова [1993: 1] определяет грамматически выраженную истинностную оценку как оценку первой степени, а лексически выраженную истинностную оценку как вторичную.

Этот простой пример обнаруживает как важны просодические факторы в определении истинности суждения. Он тоже показывает что суждение измеряется прежде всего в категориях противопоставления истинности и ложности. С этим вопросом связана упомянутая выше проблема непоследовательности в определении истинности суждения в языкознании, вытекающая из слияния эмпирического и логического аспектов этой категории.

Проблема возникает уже на почве философии, где истинность высказывания может вообще отрицаться, например в солипсизме, согласно которому в качестве единственно-несомненной реальности признается только лишь собственное индивидуальное сознание и ощущения, достоверность которых невозможно доказать бесспорно. Если сама действительность существует только в уме человека, трудно вообще определить истинность суждения об этой действительности.

На первый взгляд эта проблема может показаться нам умозрительной, но на самом деле она не так уж абстрактна, даже если отречемся от философских рассуждений и положимся на здравый смысл, так как объективность ее описания зависит от верифицируемости, т.е. от проверяемости воспринимаемых явлений. Сравним, три высказывания:

- (2) *Кшиштоф Озга написал статью.*
- (3) *Кшиштоф Озга написал хорошую статью.*
- (4) *Кшиштоф Озга не вор.*

/Пресуппозицией (4) является предикация Кшиштоф Озга не крадет/.

Несомненно легче проверить истинность содержания высказывания (2), по крайней мере читателям настоящего сборника. Содержание высказывания (3) не так уж легко подвергается верификационным процедурам, потому что оно не принадлежит фактивности, а выражает оценку события, показателем чего является оценочное прилагательное *хороший*.

Пример (4) тоже труднопроверяемый, так как понятие кражи предполагает тайность, скрытость действия. Затем, если Кшиштоф Озга когда-нибудь что-нибудь украл, с высокой вероятностью можем утверждать, что никто из читающих настоящую статью об этом не знает. Можно только лишь учитывать предпосылки в общем-то нравственного поведения сотрудника университета и на этой основе предполагать истинность этого высказывания. Таким образом само разделение модальности на объективную и субъективную очень сложно, что вытекает уже из самой природы понятий, употребляемых в высказываниях, их проверяемости с точки зрения истинности суждения.

Непоследовательность в представлении истинности суждения вытекает из ошибочного подбора логических формул, вследствие чего языковеды сосредотачиваются на вышеупомянутом сопоставлении знания и мнения. На почве польского языкознания повело это к совсем неправильному

противопоставлению *wiedzy* (т.е. знания) и *sądu* [Grzegorzczukowa 2003: 347–353]⁴, который можем обратно перевести на русский язык двумя способами, т.е. как мнение и суждение, что в свою очередь привело к отождествлению логического и эмпирического понимания этого понятия⁵.

По моему, знание и мнение это не противоположные понятия, поскольку они оба являются составляющими детерминирующими истинность суждения с точки зрения его верифицируемости, опирающейся на здравый смысл, т.е. проверяемой опытом, практикой.

Рассмотрим три типа предложений:

(5) *Иван там был.*

(6) *Я знаю, что Иван там был.*

(7) *Я уверен/убежден, что Иван там был.*

Стоит обратить внимание на то, что предложения типа (5) определяются в лингвистике как похожие по значению на предложение типа (6) или даже с ними тождественные [см.: Bralczyk 1978: 11 и след.]. Предложения (6) определяются как выражение знания, а предложения типа (7) определяются как выражение мнения, ошибочно отождествляемого с суждением.

Проблема классификации таких высказываний вытекает из того, что не учитывается первичного различия, т.е. различия между суждением в логическом и в эмпирическом смыслах. Чаще всего различие между высказыванием (6) и высказыванием (7) представляется в языкознании как оппозиция между истинностью/ложностью – с одной стороны – и вероятностью возможности возникновения данного положения вещей – с другой. Несомненно, это различие существенно с точки зрения описания языковых фактов и указываемой ими действительности, все-таки оно не связано с логическим суждением, верифицируемость которого не зависит от фактов, а от самого отношения говорящего к сообщаемому.

Структурализация такого суждения должна записываться только лишь в виде формулы:

Логическая формула

(8) $L(p) \rightarrow$ **я уверен (убежден), что это правда (=истина), что Иван там был.**

И эту формулу надо четко отграничить от выражения вероятности события, запись которого «я уверен, что Иван там был» не составляет логической

⁴ Ср.: Ю.Д. Апресян [1995: 46–50], где *знание* и *мнение* обсуждаются с точки зрения синонимии и ее отсутствия на основании глаголов, которые являются их показателями.

⁵ В этом контексте перевод является существенным, поскольку заметно значительное взаимовлияние русских и польских лингвистических работ в этой области [см. напр. Czariga 2006].

формулы, а языковую формулу, являющуюся формализацией пропозициональной структуры с модальным предикатом высшего порядка.

Языковая формула

(9) $G(p) \rightarrow$ **я уверен** (убежден), **что Иван там был.**

Такого же типа структурализацией является предложение *Я знаю, что Иван там был.* При чем, чрезвычайно существенно, что различие между этими предложениями вообще не связано с противопоставлением: *знание* и *мнение*. Кажется, что противопоставление существует только лишь между нейтральным высказыванием *Иван там был*, в которое логическое суждение: *я уверен, что это правда, что Иван там был* встроено, а высказыванием: *Я уверен, что Иван там был*, в котором уверенность в истинности суждения касается не предикации: *Иван там был*, а предикации об уверенности говорящего в данном положении вещей.

В свою очередь предикат высшего порядка, формализуемый как глагол *знаю* в предложении *Я знаю, что p*, часто ошибочно отождествляют с логической формулой *я уверен, что это правда, что p*. В действительности в таком случае истинность суждения касается не **положения** вещей «Иван там был», а **знания** об этом положении.

Более того, такого рода высказывание редко функционирует в плане *parole* как нейтральное высказывание, равнозначное высказыванию *Иван там был*.

Стандартно оно возникнет как результат реакции на отрицание истинности предикации о положении вещей «Иван там был» и должно описываться в категориях прагматики и теории коммуникации.

Оппозицию между высказываниями *Иван там был* и *Я знаю, что Иван там был* можно сравнить с противопоставлением нейтральных и полных ответов на вопросы в английском языке:

(10) – Is he a teacher?

– Yes, he is.

– **Yes, he is a teacher** (*Please stop being a nuisance!* **или** *Get lost!* **или** *Why don't you believe me?*)

(11) Иван там был.

Я знаю, что Иван там был. (*Почему ты мне не веришь?* **или** *Отвяжись!* **или** *Ты мне уже надоел!*)

Подводя итоги:

Во-первых, кажется, что надо относиться к истинности суждения как к логической категории надстроенной или скорее встроеной в высказывание, отсутствие которой на уровне поверхностной структуры не вызывает редукции смысла (согласно концепции нередуцирующего недокодирования Д. Шумской

[Szumska 2006: 145]), эта категория ничего не привносит в семантику высказывания. За С. Кароляком [Kagolak 2004: 331] мы бы определили формулу этого суждения как показатель эпистемической модальности, употребление которого вызывает лишнее докодирование (сверхкодирование) содержания (трудно представить себе коммуникацию, в которой каждое высказывание начиналось бы с формулы: «Я уверен, что это правда, что»).

Вторая идея, это сопоставление истинности суждения как нейтрального компонента высказывания другим эмпирическим типам суждения (т.е. мнения), изоморфно или неизоморфно маркированным; их изоморфность/неизоморфность обуславливается отражением конфигурации понятий на языковом уровне [Ozga 2011: 79, 89–90]. Тогда *знание* и *мнение* рассматриваются как категории уровня смысла понятий, имеющие свои показатели в естественном языке, а *суждение* – как категория логики.

Итак, выражения типа:

(12) *Я не сомневаюсь, что Иван там был*

(13) *Я знаю, что Иван там был*

представляют собой изоморфную структуру, а выражения типа:

(14) *Иван, несомненно, там был*

– неизоморфную, поскольку модальное слово *несомненно* не отражает полностью предикатно-аргументной конфигурации на уровне поверхностной структуры.

Следовательно, мы должны отказаться от отождествления нейтральных высказываний и парафраз типа *я знаю, что p*, поскольку эти парафразы не являются коррелятами логического суждения, а показателями предикатов высшего порядка с неопределенной прагматической функцией, не подвергающейся четкому описанию в рамках лингвистической семантики.

Список сокращений:

L – логический предикат (предикат логического суждения)

G – модальный предикат высшего порядка

p – пропозициональный аргумент

Литература

- Bojar B., Korytkowska M., 1991, Problemy modelowania kategorii modalności a wykładniki leksykalne tej kategorii [w:] V. Koseska-Toszeva, M. Korytkowska (ред.), *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*, т. IV. *Modalność a inne kategorie językowe*, Warszawa: Res Publica Press, с. 39–52.
- Bralczyk J., 1978, *O leksykalnych wyznacznikach prawdziwościowej oceny sądów*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Czapiga Z., 2006, *Rosyjskie operatory metatekstowe i ich polskie ekwiwalenty*, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Grzegorzczkova R., 1988, O wartości asertorycznej zdań z operatorami modalnymi [w:] R. Grzegorzczkova, B. Klebanowska (ред.), *Studia nad językiem polskim*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, с. 87–94.
- Grzegorzczkova R., 1997, O pewnym szczególnym typie modalności epistemicznej [w:] T. Szymański, E. Klisiewicz, S. Koziara (ред.), *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny WSP w Krakowie. Prace Językoznawcze*, т. IX, z. 192, Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, с. 63–68.
- Grzegorzczkova R., 2003, Uwagi o przeciwstawieniu ‘wiedzy’ i ‘sądu’ [w:] R. Grzegorzczkova, K. Waszakowa (ред.), *Studia z semantyki porównawczej: nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*, cz. II, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, с. 347–353.
- Karolak S., 2004, Modalność, jej typy i formalne wykładniki [w:] J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura (ред.), *Akty i gatunki mowy*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, с. 331–335.
- Maldziewa W., 1991, Z problematyki relacji kategorii modalności i osoby [w:] V. Koseska-Toszeva, M. Korytkowska (ред.), *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*, т. IV. *Modalność a inne kategorie językowe*, Warszawa: Res Publica Press, с. 79–86.
- Maldziewa W., 2003, *Modalność: hipotetyczność, irrealność, optatywność i imperatywność, warunkowość*, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Ozga K., 2011, *On Isomorphism and Non-Isomorphism in Language. An Analysis of Selected Classes of Russian, Polish and English Adverbs within the Communicative Grammar Framework*, Łódź: PRIMUM VERBUM.
- Szumaska D., 2006, *Przymiotnik jako przyłączone wyrażenie predykatywne. Analiza formalizacji struktur propozycjonalnych w warunkach predykcji niezdaniotwórczej*, Kraków: Universitas.
- Tutak K., 2003, *Leksykalne nieczasownikowe wykładniki modalności epistemicznej w autobiografiach*, Kraków: Księgarnia Akademicka.
- Апресян Ю.Д., 1995, Проблема фактивности: знать и его синонимы, *Вопросы языкознания*, № 4, с. 43–64.
- Арутюнова Н.Д., 1993, Предикаты квазиистинностной оценки в русском языке [w:] *Категория сказуемого в славянских языках: Модальность и актуализация*. [Slavistische Beiträge, Band 305], München: Otto Sagner, с. 1–14.
- Богуславский А.С., 1964, О коммуникативных типах предложения, ВДВШ, *Филологические науки*, № 4, с.144–151.
- Виноградов В.В., 1975, *Теория русской грамматики*, Москва: Наука.

Колшанский Г.В., 1961, К вопросу о содержании языковой категории модальности, *Вопросы языкознания*, № 1, с. 94–98.

Кривоносов А.Т., 1979, О некоторых аспектах соотношения языка и логики, *Вопросы языкознания*, № 6, с. 17–31.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 1998, *Толковый словарь русского языка*, Москва: Азъ.

Панфилов В.З., 1977, Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения, *Вопросы языкознания*, № 4, с. 37–48.